

ЗАНАВЕС
ПАМЯТИ

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Москва

по следам громких дел

Татьяна Степанова — подполковник полиции, потомственный следователь с престижным юридическим образованием, поэтому в ее книгах следствие ведут профессионалы.

Из-под пера автора вышло 50 романов, проданных суммарным тиражом более 8 миллионов экземпляров.

Права на издание детективов Татьяны Степановой проданы в Германию и Польшу.

По книгам «Готическая коллекция» и «Темный инстинкт» сняты телевизионные фильмы.

Главную роль в последнем исполнила Любовь Казарновская. Романы писательницы позволяют читателю побывать в литературной «комнате страха».

Таинственные убийства, почти осязаемая атмосфера преступления, томительное и тревожное ожидание чего-то неведомого, пугающего...

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулкa
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой
Циклоп и нимфа
Последняя истина, последняя страсть
Перекресток трех дорог
Имеющий уши, да услышит
Великая иллюзия
Коридор затмений
Мойры сплели свои нити
Корень зла среди трав
Храм Темного предка
Четыре крыла
Занавес памяти

ЗАНАВЕС
ПАМЯТИ

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

В коллаже на обложке использован фрагмент иллюстрации:
© Allyana Hirsbrunner / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Е. Петровой*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Занавес памяти / Татьяна Степанова. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с. — (По следам громких дел. Де-
тективы Т. Степановой).

ISBN 978- 5-04-220851-5

Одиннадцать лет назад в сумрачном лесу в доме ведьмы на Круче был жестоко убит успешный и состоятельный бизнесмен Геннадий Елисеев. В этом страшном преступлении обвинили его несовершеннолетнего сына. Минули годы, Серафим вырос и нашел в себе силы вернуться в родной город, где его когда-то прозвали Волчонком, чтобы снять с себя клеймо убийцы. И найти настоящего хитрого, изощренного, безжалостного преступника-невидимку!

Одному ему подобное не по силам! Вместе с ним приезжают Екатерина и Гектор Боршовой-Петровские и капитан полиции Арсений Блистанов. Они перевернут сонный городок на Оке, чтобы поднять занавес памяти, за которым скрывается истина!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978- 5-04-220851-5

© Степанова Т. Ю., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

ЛИЦОМ ВНИЗ

Лес — древний, первобытный, загадочный, темный — покрывал ковром оба берега реки. Теплая золотая осень без дождей сначала иссушила лес, заставляя его жаждать, но затем милосердный ливень напитал его влагой и новой жизнью. По утрам, в полдень, на закате лес наполняли гомон и пение птиц, готовившихся к отлету в южные края. Птицы стаями кружили и над широкой излучиной реки, над мысом, облюбованным местными рыбаками и приезжими дачниками.

В девственном лесу, не ведавшем топора дровосеков, осень щедрой кистью расписала кроны вековых деревьев золотом и багрянцем, оставив среди буйства красок обширные острова малахитовой хвои. Бурые узловатые стволы напоминали частокол. Кустарник пестрел алыми спелыми ягодами. Лес подступал к реке на берегу, пляжа не существовало. Лишь узкая полоса мокрой глины, на нее неспешно, лениво накатывали волны.

Протяжный басовитый гудок...

Мимо проплывала баржа.

Речной трудяга — грузовоз.

Баржа шла к небольшой пристани.

Где-то там... вдалеке.

За мысом.

Лес на одном из берегов пронзала разбитая проселочная дорога. Ее проложили много лет назад от карьера, находившегося рядом с рекой. Когда-то по ней грохотали самосвалы и бульдозеры. Но карьер давно закрыли, и дорога обезлюдела. Лес возле карьера облысел и поредел, в чаще мелькали прогалины. Словно рана зиял овраг. Когда шли дожди, его почти до краев наполняла вода, и он превращался в мутный пруд.

Речные утки никогда не плескались в нем. Кажется, они чего-то боялись.

И почва здесь была иной, отличной от окрестных земель.

Овраг для могилы не годился.

Ливни и потоки воды заставили бы тело всплыть на поверхность. Поэтому для мертвеца пришлось копать яму.

Труп был абсолютно голым.

Уложенный в могилу лицом вниз, он будто вгрызлся в почву зубами оскаленного черепа с вымазанными мокрой глиной ключьями спутанных волос.

Гудок на реке...

Мимо дремучего леса и тайной могилы проплывал двухпалубный пароход — последний, под занавес закончившегося туристического сезона.

В свинцовой воде ключьями ваты отражались облака. Над мысом кружили голодные чайки.

Ширь и простор...

Во тьме склепа из жирных личинок вылуплялись полчища новых насекомых. Смерть порождает жизнь.

Зло служило колыбелью... Добру?

Или чему-то еще?

Столь же древнему и страшному, как дремучий лес и царствующая в нем даже солнечным днем неизбывная тьма.

ГЛАВА 2

ОВОЩЧИСТКА И НОЖНИЦЫ

Когда-то давно...

Облачное хранение памяти

За окном чирикали воробьи, укладываясь спать. Солнце клонилось к закату. Его багряные лучи волшебным образом превратили воду в небольшом аквариуме на подставке в жидкий прозрачный изумруд со скользящими внутри золотыми рыбками. Они поднимались к поверхности воды и жадно пожирали корм, заботливо насыпанный чьей-то щедрой рукой.

Но мальчик на рыбок не глядел.

Все его внимание было приковано к мужчине: тот шагнул к столу, повернулся спиной к мальчику и заслонил от него умирающий закат в окне.

— Надо отвечать за свои поступки, — назидательно произнес мужчина.

Мальчик молчал.

— Согласен со мной? — спросил мужчина.

И вновь не получил ответа.

— Ты же умный, — продолжил мужчина. — И я тебя считаю умным. И все тебя считают умным.

Нет ответа.

Мальчик пристально смотрел на два предмета, лежащие на краю стола: овощечистку и ножницы.

Овощечистка — обычная, с оранжевой пластиковой ручкой и двумя лезвиями, подобных кухонных приспособлений полно в супермаркетах. Ножницы — канцелярские, с толстыми черными удобными ручками и широкими острыми лезвиями, способными резать все, начиная от бумаги и заканчивая толстым картоном и электрическими проводами.

— Лгать некрасиво, — со вздохом констатировал мужчина и обернулся. — Настоящие... четкие, правильные пацаны никогда не лгут. Ты ведь у нас четкий, правильный?

Мальчик поднял на него мутный взор.

Мужчина возвышался над ним, скорчившимся на стуле, и тоже внимательно разглядывал — его сырую одежду в бурых потеках. Его вспотевшее чумазое лицо. Его руки.

— Фокус-покус! — объявил он и сделал цирковой жест.

В его руке оказалось зеленое яблоко — сочное, крупное. Он забрал со стола овощечистку, приложил к кожуре и слегка нажал.

— Штучка-дрючка-закорючка. А полезная в хозяйстве! — поделился он и начал очищать яблоко.

— Острая словно бритва, — пояснил он мальчику, вперяясь в него тяжелым пронзительным взором. — Два лезвия.

Он орудовал овощечисткой мастерски, вертя яблоко — зеленая лента кожуры вилась длинным серпантинном, не обрываясь.

Мальчик заворуженно наблюдал. В глазах его застыло странное выражение: смятение, недоумение, почти благоговение, покорность, ужас...

— Кожура плотная, грубая, — пояснил мужчина. — А под ней все мякотьное, животрепещущее... Кожа — она ведь и есть кожа. И у фрукта, и у нас с тобой. А?

Он остановился. Показал овощечистку в своей правой руке и...

Резким жестом провел ее парными лезвиями по тыльной стороне левой кисти, сжимавшей яблоко. На загорелой коже сразу возникли две алых полосы.

— Чуть-чуть нажал, — медленно, словно в раздумье, произнес мужчина. — Немножко посильнее, и кровью набухнет порез.

Он вернул овощечистку на край стола. Взял ножницы. Показал их.

— Хорошо наточенные, — объявил он. — Кромсают, отсекают. Режут по живому.

Щелк!

Мальчик отпрянул, сжался в комок на стуле. На секунду даже зажмурился. Но затем открыл глаза.

Щелк!

Мужчина обрезал ленту зеленой кожуры яблока. Она упала к его ногам.

— Сколько раз тебе, наверное, твердили: «Лгать нехорошо. Позорно», — сказал мужчина. — Десять? Сто раз?

Нет ответа.

Мальчик не отрывал взора от его свежих порезов.

Опустил глаза dolu.

Яблочная кожура на полу.

Мужчина наступил на нее ногой. Раздавил.

— Руку протяни, — попросил он.

Мальчик не пошевелился.

— Я кому сказал? Ну?! — Мужчина слегка повысил голос: — Руку сюда! Правую. Ты же не левша. Ладонью вверх!

И ребенок подчинился. Подобно загипнотизированному сомнамбуле.

Мужчина вложил ему в руку очищенное яблоко, испачкав ладонь липким соком.

Пальцы мальчика дрожали. Застыв в ступоре, он продолжал сидеть с вытянутой рукой с яблоком.

— Кушай яблочко, гаденыш, — словно хищник из «Красной Шапочки», широко и победно улыбнулся мужчина. — Жуй!

Мальчик поднес очищенное яблоко ко рту.

— Лады. Ты ж голодный. Ешь. — Мужчина сочувственно вдохнул. — Десерт беседе не помеха. А вранье не выход из сложившейся ситуации.

Мальчик послушно укусил яблоко. Ощущая его медовую сладость, он глядел на ножницы, которые мужчина продолжал сжимать в кулаке.

**ГЛАВА 3
РЕВНОСТЬ**

*Когда-то давно...
Облачное хранение памяти*

Самая яркая картина из его малолетства. Ему пять. Отец еще жив. Вскоре он умрет от передозировки. «Скорая помощь» окажется бессильной — отец скончается на руках врачей в квартире матери, так и не успев за все проведенные совместно годы с ней официально расписаться.

Но сейчас отец жив и здоров. Весел, оживлен, разговорчив и одновременно внутренне сосредоточен: впереди у него вечерний спектакль. Он сам забирает пятилетнего сына из детского сада. Тот недалеко от филиала Малого театра. Они вдвоем пробиваются через паутину кривых безлюдных переулков Замоскворечья, и отец по пути рассказывает ему: «В желтом особнячке коптил небо жадный купец, он поймал на Оке золотую рыбку, сварил из нее уху, но золотая рыбка даже вареная наказала его». «А в доме с колоннами обитал один чувак прикольный — он писал памфлеты и стал прототипом другого чувака, кричавшего: «Карету мне, карету!»

Он слушает отца с упоением. Он не знает слова «памфлеты», но уже знаком со словом «чувак». Отец его — молодой, высокий, красивый — похож на принца в байкерской куртке. В ухе у него по тогдашней моде стальная серьга с жемчужиной.

Они добираются до филиала Малого театра, попадают внутрь через служебный вход, и отец ведет его по коридору в свою гримерку. Он делит ее с двумя другими актерами, но они в сегодняшнем спектакле не заняты. Пьеса называется «Лес». Спустя годы он, повзрослев, делает для себя вывод: в тот вечер давали именно «Лес» Островского, и отец играл в нем бывшего гимназиста и любовника капризной стареющей барыни.

Отец переодевается и гримируется перед зеркалом сам. А он... он сидит на стуле, болтает ногами и уплетает пирожок с яблоками, купленный отцом по пути в театр. Он всегда голодный и не прочь поесть! После звонка для актеров в гримерку входит пожилая билетерша и с рук на руки принимает его, пятилетнего, у отца перед выходом на сцену.

Билетерша сначала поит его чаем с вареньем в комнате для персонала. А после третьего звонка для зрителей ведет за руку через опустевшее фойе и благоговейно останавливается перед мраморным бюстом кудрявого ухаля в рубашке а-ля Байрон. Бюст корифея Малого театра Хрисанфа Блистанова — великого романтического трагика. Ему он, маленький Блистанов, приходится по отцу праправнуком. Именно поэтому к нему в театре и в его филиале особое отношение. Кровь! Порода! Традиции! Живая история! И отцу его многое позволено из-за громкой фамилии. Даже его тайные пороки. Даже серьга жемчужная а-ля Вермеер в ухе.

Театральный зал наполовину пуст. С верхнего балкона он вместе с билетершей созерцает первое действие «Леса». Ему, малолетке, скучно, взбадривается он, лишь когда на сцене появляется отец. А в паузах он размышляет о матери. Она не пришла в садик его забрать. Мать является лишь к окончанию спектакля. Ждет их у служебного входа. Мать, по обыкновению, сутки пахала в своей полиции. Она приезжает к театру без формы, «по гражданке»: сильно накрашенная, на высоких каблуках и в джинсах-скинни, всеми силами старающаяся выглядеть круто и сексапильно. Она тщится превзойти прелести «актерок» и прочих девиц — от фанаток-поклонниц, осаждающих отца, до пьяных проституток из ночных баров, где он частенько зависает надолго. По меткой исторической поговорке прапрадеда-корифея: «Бегают от дома, точно черт от грома».

Две полоумных фанатки (одна даже с букетом) караулят отца у служебного входа и в тот памятный вечер. Кидаются к нему — вроде за автографом, одна сует букет и... буквально вешается ему на шею — бесстыдно и пылко.

— Ты чего к нему лезешь? — кричит ей мать, быстро подходя к ним.

— Да пошла ты! — Фанатка прижимается бедрами к отцу, пытаясь его поцеловать, вроде в щеку. Но целит в губы, оторва!

У отца заняты обе руки: правой он крепко держит сына, а в левой — букет роз с напиханными туда записками с телефонами фанаток (сотовые в те времена еще большая дорогая редкость). Мать вырывает у него букет роз и тычет им фанатке в лицо:

— В морду тебе! В харю цветочки! Отвали от него, потаскуха!

Мать ревнует отца безумно, страшно. Страстно! Громко! Она забывается и ведет себя неприлично. Недостойно офицера

полиции, пусть и «в свободное от исполнения служебных обязанностей время».

«О ревность, ты яришься и кипишь! И словно хищный лев алкаешь крови!» — возвещал некогда со сцены корифей Хрисанф Блистанов.

— Сука! Да ты сама отвали! — визжит вторая фанатка.

— За оскорбление — статья! Еще слово — и в «обезьяннике» у меня насидишься! — Мать выхватывает из кармана косухи «корочку» и сует под нос фанатке. Швыряет на тротуар букет роз. Топчет его.

Фанатки мигом отшатаываются от отца.

— Не связывайся с ментовкой, — шипит одна фанатка другой. — Мы ж и виноваты останемся!

Они почти бегом несутся к Садовому кольцу. Одна вдруг останавливается, оборачивается и орет:

— Подавись своим *нариком!* Кому он нужен? Ни в одном сериале не снялся, лузер!

У матери злое лицо в тот момент. А он, маленький, напуган скандалом. Отец, источник всех несчастий, берет его на руки. И одновременно машет проезжающему такси. В машине мать и отец молчат. Мать — гневно, отец — с виноватой кривой усмешкой. В тесной «двушке» на окраине, доставшейся матери от ее родителей, отец сажает его на кроватку и просит раздеться самостоятельно. Родители уходят в комнату и закрывают дверь.

Голоса... Мать кричит... Звук пощечины... Отец что-то тихо бормочет в ответ...

Он, пятилетка, уже давно приучен раздеваться и одеваться сам. Но обожает, когда мама ему помогает. Надевает рубашку, вязаную кофточку, курточку. На голову — теплый шлемик с ушками. Опускается на колени и зашнуровывает крохотные ботинки. А зимой мама надевает ему комбинезон-пуховичок — валяться в сугробах. И натягивает варежки, целуя каждый его пальчик.

Мама, когда не ревнует отца к «*нотаскухам*» (она называет их порой и совсем непечатно, если ей кажется, что ее никто не слышит), сущий ангел. Ему, своему сыну, она дарит любовь и заботу. И тепло... и нежность.

Но сейчас он в комнате в полном одиночестве. Ему опять скучно и неудобно. Уже поздно, и его клонит в сон. И одновременно тянет плакать и ныть. Он спрыгивает с кроватки и бре-

дет к закрытой родителями двери, дергает за ручку, но изнутри дверь подперли стулом.

Всхлипывание... вздох... Мать плачет?

Стул чуть отодвигается, и он заглядывает в щель.

Мать и отец, сплетенные, на полу у дивана. Темные густые волосы матери разметались по вытертому коврику... Они совершенно голые оба. В комнате горит яркий свет. И он, пятилетка, долго наблюдает за родителями.

А затем возвращается к себе и ныряет в кроватку. Поворачивается на живот, утыкается лицом в подушку. Странное чувство охватывает его...

Он завидует отцу.

Не полностью понимая смысл увиденного, он тем не менее желает оказаться на месте отца.

Повзрослев и превратившись в молодого мужчину, он всегда в размышлениях о тех событиях убегает сам от себя: «К черту, к черту, пофиг, пофиг...» И одновременно задает вопрос: он ревнует лишь мать? Или всех понравившихся ему женщин?

А в тот вечер... уже ночью отец (облаченный в махровый халат) является к нему, удивляясь:

— Не спишь до сих пор? Ну даешь, старик! Сказку читаем?

Он, повернувшись в кроватке, недовольно отпихивает отца от себя. И заявляет мятежно:

— Ты плохой!

— Я? — удивляется отец. Жемчужная серьга его в ухе мерцает, на шее — след алой помады. Он до боли смахивает сейчас на принца из «Десятого королевства», они недавно смотрели его всей семьей по видео. — Ну прости меня. У театра ты ведь не сдрейфил? Нет? Храбрец! А мама наша просто вспыхнула. У нее, словно в пьесе, *горячее сердце*. Но, понимаешь, это круче в сто раз, чем светит, да не греет. Мы с тобой оба маму должны беречь. Мы ж мужчины. А она — слабая женщина. Если я накосячу, ты меня поправишь, договорились, сын? Ты ж у мамы всегда на первом месте. Ты — самый главный. И так будет всегда. Запомни.

Из всего заявленного отцом в тот вечер он в свои пять лет запомнил лишь его последние фразы. И хранил их в своем сердце.

А отец утром испаряется и пропадает почти на неделю. Мать не находит себе места. Под ее глазами — темные круги от бессонницы.

Позже, уже взрослым, из сплетен полицейских доброхотов — коллег матери он узнает: мать, по обыкновению, на дежурной машине с мигалкой лично разыскивала отца — по барам и ночным клубам. И даже на квартирах соперниц. И в ходе тех «рейдов» она с коллегами часто накрывала наркопритоны.

Затем отец появляется. И дома вновь воцаряется бесшабашное семейное счастье.

Но ревность...

Она затаивается.

«Ревнуют не затем, что есть причина, а только для того, чтоб ревновать. Сама собой сыта и дымит ревность!» — устами шекспировского Отелло некогда предупреждал потомков великий трагик Хрисанф Блистанов.

Словно в воду... в омут глядел корифей с Кручи.

ГЛАВА 4

УЖАСАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

— Ужасающие обстоятельства убийства. Потерпевшему нанесли множественные раны. Причем использовался сельскохозяйственный инвентарь.

Арсений Блистанов на секунду умолк. Катя, внимавшая ему, глянула на мужа — Гектор слушал невозмутимо.

— Потерпевшего ударили по голове, — продолжил Арсений Блистанов. — Наносили удары ломом в спину, видимо, пытались проткнуть его насквозь, пригвоздить к земле. Но не удалось. Тогда его перевернули на спину и уже косою...

— Косою? — переспросила Катя.

— Вроде литовка называется, такой сено в деревне заготавливают. — Арсений Блистанов поморщился. — Ею засадили мужику в лицо, пробили челюсть. Коса у него в черепе застряла. Убийце же показалось мало. Он облил тело горячей жидкостью и поджег. Тело наполовину сгорело. И экспертизы не смогли установить точно, от чего он умер: от кровопотери из-за ударов этих зверских или от огня?

— Или от всего вместе... — Гектор пожал широкими плечами. — Комплекс наложившихся друг на друга причин?

— Когда произошло убийство? — Катя, обращаясь к Арсению Блистанову, внезапно ощутила смутную, пока еще не осознанную тревогу.

— Одиннадцать лет назад, — ответил Блистанов.

— Выходит, старая история? Одиннадцать лет — большая давность. А убийцу тогда поймали?

— Обвинили его сына.

— Он получил срок? Все еще в тюрьме?

— Сыну тогда было одиннадцать лет.

Катя подалась вперед, облокотилась на стол. Ощутила уже ледянящий холодок в груди.

— Пацан? Маленький ребенок? — Выражение лица Гектора тоже изменилось. Его показная бесстрастность улетучилась. — Убийца? В одиннадцать?!

— Ага. Причем совершивший особо жестокие действия. Садист. Он полностью признался тогда в убийстве отца. — Арсений Блистанов выдержал паузу. — Конечно, он не достиг возраста уголовной ответственности. Малолетка. Они возились с ним. А потом дело вроде совсем прекратили. И скинули в архив.

— Прекратили из-за недостижения обвиняемым возраста ответственности. — Катя кивнула, поправив высокий ворот водолазки-безрукавки.

— Наверное. Или по иной причине. — Арсений Блистанов снова помолчал. — Я не знаю точно. А мелкий вырос. И сейчас, через столько лет, заявляет: он, мол, ни в чем не виноват. И отца своего не убивал.

— Сеня, а кому парень говорит подобное? — поинтересовался Гектор.

— Мне он сказал. И другим тоже. Разным людям. — Арсений Блистанов нахмурился: — Разобраться мне надо в том старом убийстве. Я хочу... то есть я обязан докопаться до правды. Ну, мне просто позарез это нужно, понимаете? И ему тоже. Он настаивает сейчас с пеной у рта на своей полной невиновности. И я подумал... Я часто вспоминаю наше совместное расследование в Полосатово. Круто мы тогда все провернули, и быстро. То есть это вы, Гектор Игоревич, и вы, Катя. Высший класс! Я-то вам просто помогал, чем мог, и учился у вас обоих¹. Но

¹ Расследование, о котором вспоминает Арсений Блистанов, описано в романе Т. Степановой «Великая иллюзия».